

Хэ Бянь, наговорив столько красивых слов, с самого утра так и не дождался ни единого ответа — в ответ лишь холодный взгляд, будто на него уставился хищник из гор. За окном гремел гром, лил проливной дождь, небо было мрачным, и у него невольно похолодело внутри. Он плотнее закутался в одеяло.

Только теперь Хэ Бянь внезапно осознал, насколько прежде был беспечен — слишком просто и односторонне смотрел на вещи. Он всегда думал, что раз тот дурак в прошлой жизни забрал его тело после смерти, значит, тот по доброте душевной способен пожалеть его, и его можно будет уговорить стать телохранителем.

Он и представить не мог, что однажды дрессировщик соколов сам окажется выклеванным.

Стоило ему вспомнить, как тот дурак, едва взмахнув кулаком, отшвырнул Ван Саньлана весом под двести цзиней на три с лишним чжана, как всё тело Хэ Бяня мгновенно напряглось от ужаса. Он даже спрятал голову под одеяло.

Сжав одеяло обеими руками, он словно сам себе соорудил укрытие — как могильный холмик.

Под одеялом было темно и душно. Снаружи Чжоу Ци по-прежнему не подавал ни звука. Хэ Бяню становилось всё страшнее, даже дыхание сбивалось и дрожало. А где-то в глубине души поднималось странное чувство — смесь горечи, досады и чего-то непонятного. Он ещё не успел понять, откуда это, как край одеяла был резко отдернут чьей-то неумолимой силой.

«Ты... ты!»

Внезапно увидев тусклый свет, он заметил у края кровати огромную, словно звериную фигуру. Стоило тому лишь слегка поднять руку — и кровать вместе с ним самим разлетелась бы на куски. У Хэ Бяня задрожали веки, в голове стало пусто. Он лишь инстинктивно закрыл голову руками:

«Не... не бей меня».

Чжоу Ци сказал:

«Когда я тебя бил? Это ты сам решил, что я собираюсь тебя бить».

Но, видя, как Хэ Бянь снова и снова повторяет "не бей меня", он понял, что тот уже ничего не слышит.

Что с ним такое?

Присмотревшись, он заметил, что лицо Хэ Бяня побледнело, а губы начали синеть — это была реакция на стресс.

Нахмурившись, он отошёл от кровати и отступил к двери. И правда — Хэ Бянь, до этого задерживавший дыхание, резко сделал несколько глубоких вдохов. Холодный воздух обжёг лёгкие, он закашлялся, и лицо его покраснело.

Чжоу Ци крикнул Чжан Мэйлинь, чтобы та принёс чашку горячей воды.

Та, стоявшая под навесом и с изумлением глядевшая на ливень, от неожиданности вздрогнула и поспешно закивала:

«Сейчас, сейчас!»

Но в крестьянском доме, где гостей не принимают, откуда взяться горячей воде? Чжан Мэйлинь уже хотела сказать, что есть только холодная, но, вспомнив холодное лицо Чжоу Ци, заколебалась. И в этот момент Чжоу Ци сказал:

«Нет горячей воды — подойдёт утренний рисовый отвар».

Подумав, Чжан Мэйлинь решила, что так и есть — этот дурак на удивление внимателен к мелочам.

Она принесла в комнату миску рисового отвара. Но, дойдя до двери, так испугалась, что не решилась войти. Она увидела, как Хэ Бянь, закутавшись в одеяло, весь дрожит, а взгляд у него расфокусирован — будто он в панике, загнан в угол и вот-вот задохнётся. В растерянности она посмотрела на Чжоу Ци, надеясь, что тот сам отнесёт отвар внутрь.

Чжоу Ци сказал:

«Совесть мучает? Это вы его в детстве так замучили?»

Чжан Мэйлинь хотела возразить, но, встретившись с его тяжёлым, давящим взглядом, да ещё и вспомнив, что за Хэ Бянем стоят предки-защитники, вдруг растерялась. Слова сами сорвались с губ раньше, чем она успела подумать, и она в панике выложила всё:

«Он... он в детстве, ему было чуть больше семи, когда попал к нам. Понял, что всё не так, как он себе представлял, начал воровать зерно и деньги, хотел сбежать. Мой муж поймал его — и с тех пор каждый день бил, по ночам подвешивал на верёвке... Потом он испугался побоев. Я тогда велела Тянь Ваньсину тайком носить ему воду и еду, сама иногда говорила пару добрых слов, уговаривала его смириться, остаться и послушно работать — тогда хоть будет жив и сможет есть».

«Воровал деньги и зерно?» - переспросил Чжоу Ци, и в его тоне явно звучала защита.

Чжан Мэйлинь съёжилась и замялась:

«Не воровал... это... это была его доля — за год работы, его еда и плата... Но ты не волнуйся, - поспешно добавила она, - потом, когда он подрос, мы его уже не били».

Похоже, Хэ Бянь и сам забыл тот год бесконечных побоев в детстве. Он помнил только, что если быть послушным и усердно работать, то у него будет еда, и вся семья будет его хвалить и даже проявлять заботу.

Но стоило ему увидеть высокого мужчину вроде её мужа, плотника Тянь Муцзяна, как его начинало трясти от страха, он мгновенно бледнел, будто вся кровь отлила от лица. Поэтому о его трусости знали все в деревне.

И потому, когда Чжан Мэйлинь впервые увидела, что Хэ Бянь привёл домой дурака, который был даже выше Тянь Муцзяна, она тогда очень удивилась.

А теперь, глядя на дрожащего, бледного Хэ Бяня с расфокусированным взглядом, она ясно видела — это точь-в-точь тот приступ, что случался у него в детстве при виде Тянь Муцзяна.

Её охватил страх — вдруг Хэ Бянь вспомнит забытые страдания и начнёт мстить ей с удвоенной силой. Ей хотелось только одного — чтобы Чжоу Ци сам отнёс рисовый отвар внутрь.

«Это всё... всё мой муж делал, ко мне это не имеет отношения!» - в страхе выпалила Чжан Мэйлинь.

Она так испугалась, что даже пересилила страх перед Чжоу Ци — торопливо сунула ему в руки фарфоровую миску и в панике выбежала наружу.

Рисовый отвар в миске сильно плеснулся, едва не пролившись, но Чжоу Ци легко удержал его.

Он попробовал подойти к Хэ Бяню. Тот лишь опустил голову, обхватив её руками, и продолжал твердить: «Не бей меня», словно полностью потеряв связь с внешним миром. Чжоу Ци поставил миску на стол рядом, протянул руку и взял тонкое запястье Хэ Бяня, передавая ему духовную силу. Запястье было таким хрупким, будто даже ливень за окном мог бы его переломить. Постепенно тяжёлое, сбивчивое дыхание Хэ Бяня начало выравниваться.

Застывшие, пустые глаза Хэ Бяня чуть шевельнулись. У губ стало тепло, пахло чем-то приятным. Он медленно поднял голову и увидел, что Чжоу Ци кормит его рисовым отваром с деревянной ложки.

Заметив, что он весь в холодном поту и выглядит жалко, лишь тупо смотрит и не открывает рот, Чжоу Ци сначала попробовал отвар сам — не горячий. Он снова зачерпнул ложку и всё же подул на неё:

«Давай, уже не горячо».

Хэ Бянь, словно не привык, чтобы его кормили, чуть приоткрыл губы, но тут же снова плотно сжал их, не зная, как есть.

Чжоу Ци тоже не умел кормить других — он просто направил ложку в едва заметную щель между губами Хэ Бяня и, немного неловко глядя ему в глаза, сказал:

«Будь послушным, выпьешь — станет лучше».

Хэ Бянь вдруг опустил голову, и отвар с ложки размазался по его носу. Он поперхнулся, кашлянул, затем закрыл лицо руками. Чжоу Ци не совсем понял, что происходит, решил, что тому просто плохо, и молча стал ждать.

Но вскоре влажные капли начали стекать сквозь пальцы прямо на ложку.

Он плакал.

Плакал беззвучно.

Осознав это, Чжоу Ци почувствовал, как что-то сжалось внутри. Он машинально коснулся груди, не понимая, что это за чувство. В этот момент Хэ Бянь поднял голову — лицо его было залито слезами — и вдруг бросился вперёд, уткнувшись в его объятия.

Отвар в ложке в правой руке Чжоу Ци чуть не расплескался, но он успел вовремя удержать его.

Хэ Бянь, уткнувшись ему в грудь, всхлипывая, сказал:

«Почему ты ко мне так хорошо относишься?»

Чжоу Ци ответил:

«Ты называешь меня братом».

И ещё — ему было его жаль. Но это он уже понял: такие слова сейчас говорить нельзя. К тому же, каждую ночь он передавал Хэ Бяню духовную силу, восстанавливая его. В понимании Чжоу Ци это означало, что он защищает и растит его. Он даже быстро понял чувства людей, которые заводят питомцев или выращивают цветы.

Хэ Бянь стиснул зубы, словно решившись разбить уже треснувший кувшин, — лишь бы больше никого не обманывать:

«Я тогда просто тебя уговаривал. Я вовсе не считал тебя братом. Просто хотел, чтобы ты помогал мне держать всё под контролем и слушался меня».

Чжоу Ци ничего не ответил, лишь попытался встать. Но Хэ Бянь обнял его ещё крепче и вдруг всхлипнул уже вслух:

«Не уходи... Ты что, разозлился и теперь бросишь меня? У-у... Я знаю, я плохой... В последнее время всё время срываюсь на тебе... Но я правда не могу себя контролировать...»

Слёзы, прорвавшие плотину, словно вынесли наружу все накопленные за годы обиды, страх и тревогу. Лёгкая летняя ткань быстро намокла — на груди Чжоу Ци расплзлось большое тёмное пятно.

Деревянная ложка в его правой руке снова едва не опрокинулась.

«Нет... я не злюсь. Сначала выпей».

Хэ Бянь поднял голову. Лицо и взгляд Чжоу Ци были спокойны, без малейшего колебания — такие же, как всегда. Лишь в глубине его глаз, как в тёмной воде, отражались его собственная жалкая, растрёпанная внешность и опухшие от слёз глаза.

Хэ Бянь вдруг снова почувствовал раздражение, но тут же сам не понял — на что именно, — и подавил его, погрузившись в угрюмое молчание.

Чжоу Ци помедлил, долго молчал, словно собирая слова, и только потом заговорил:

«Не надо больше сомневаться и строить догадки. Я искренне отношусь к тебе как к младшему брату. Я знаю, что тебя раньше обманывали в семье Тянь, поэтому ты боишься и думаешь, будто у меня есть какой-то скрытый замысел. Поэтому ты снова и снова злишься, пытаешься вывести меня на чистую воду, увидеть моё настоящее лицо. Но этого нет. Ни в этом мире, ни в прежнем — ты для меня самый близкий человек».

Хэ Бянь слушал, ошеломлённый.

Этот немногословный Чжоу Ци вдруг смог сказать такую длинную речь.

Похоже, он вовсе не глуп... а он сам всё это время обращался с ним как с дураком...

Кажется, Чжоу Ци сумел выразить даже те мысли, которые сам Хэ Бянь не мог разобрать или предпочитал игнорировать. А может, он вообще ничего не обдумывал — просто не мог сдержаться и срывался на нём.

Хэ Бянь тихо сказал:

«Прости... Я постараюсь больше сдерживаться».

Чжоу Ци ответил:

«Ничего. Я намного старше тебя — не стану обижаться на ребёнка».

Хэ Бянь заметил, как на груди Чжоу Ци расплзлось тёмное влажное пятно, и у него слегка запылали уши. Он всё ещё лежал у него в объятиях и не поднимался — да и не хотелось. Только теперь он с опозданием понял, как здесь тепло и спокойно.

Он уткнулся глубже, потёрся щекой и пробормотал себе под нос:

«Раз мы самые близкие люди на свете... обниматься ведь можно».

С этими словами он украдкой поднял руку Чжоу Ци, свободно лежавшую у края кровати, и обвил её вокруг своей талии.

«Вот... вот так и надо... брат, ты запомнил?» - пробурчал он глухо, почти шёпотом.

«Запомнил».

Чжоу Ци опустил взгляд на него. Уши Хэ Бяня покраснели так, будто вот-вот начнут кровоточить, и он ещё глубже уткнулся, пряча лицо.

<http://bllate.org/book/17226/1616195>